

Молодёжь «второго сорта»: условия работы юношей и девушек в промысловой кооперации Южного Урала в 1950-е гг.

А. А. Пасс

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области
в рамках научного проекта № 20-49-74004**

С позиций неинституционального подхода проанализированы мотивации и ограничения, существовавшие в кооперативной промышленности СССР 1950-х гг. для привлечения молодых работников. Названы причины, обусловившие преобладание указанной социальной категории в кадровом составе артелей. Отдельно представлены способы его пополнения специалистами, получившими профильную подготовку в училищах, техникумах и вузах. Охарактеризованы проблемы их адаптации к труду в квазирыночном секторе советской экономики, который в соответствии с идеологическими установками тех лет считался маргинальным. Описаны примеры как позитивной, так и негативной самореализации. Показано слабое участие комсомольских организаций в судьбах юных кооператоров, отчего они ощущали себя на периферии общественной жизни. Установлено, что во второй половине 1950-х гг. в рамках промысловой системы сложилась собственная сеть подготовки квалифицированного персонала. Сделан вывод о появлении новых возможностей для профессионального и личностного роста артельной молодежи. В связи с огосударствлением производственных товариществ в 1960 г. они потеряли актуальность.

Ключевые слова: СССР, Южный Урал, 1950-е годы, молодежь, промысловая кооперация, условия труда, квалификация и социализация, перспективы профессионального роста.

Интерес к заявленной проблематике среди российских ученых отчетливо проявился в последние два десятилетия. В диссертациях Б. Д. Цирянова, Ю. Т. Никонова, И. Н. Балахоновой, Н. Я. Чуваева на материалах областей и автономных республик впервые предпринята попытка раскрыть такие не изученные ранее вопросы, как мотивация и формы организации труда молодых специалистов [Балахонова, 2009; Никонов, 2000; Цирянов, 2000; Чуваев, 2010]. Перечисленные работы содержат обильный материал для применения сравнительно-исторического подхода.

Историки едины во мнении о том, что кадровый состав кооперативных предприятий в исследуемое десятилетие отличался определенной спецификой. Потомственных кустарей-умельцев, подобных Ивану Ивановичу Хабарову, добросовестно проработавшему в товариществе «Коопремонт» 32 года, оставались единицы¹. Квалифицированных рабочих высоких разрядов также было не много.

Основной костяк составляла молодежь 16–25 лет, доля которой в системе превышала 50 %. Такое положение сложилось еще в годы Великой Отечественной войны. Дело в том, что поступить

на крупное государственное предприятие, где получали приличный заработок и пайки, при отсутствии специальности было непросто. А в артели их брали. Там они за два-три месяца ученичества приобретали необходимую квалификацию и в отсутствие отцов, ушедших на фронт, становились «кормильцами» семьи.

В 1955 г. число молодых людей в промкооперации региона достигло 6 тыс. человек². Поступая в артель, многие юноши и девушки надеялись на рост профессионального уровня и перспективу дальнейшей учебы в вечерних школах, техникумах, вузах, после чего они могли попытаться устроиться на завод или в госучреждение. Пополняли ряды кооператоров и представители социальных групп, нуждающиеся в опеке: инвалиды, матери-одиночки, сироты. Нередко встречались люди непростой судьбы — побывавшие в плену, судимые в прошлом по политическим или уголовным статьям, а также близкие родственники осужденных. «Запятнанная» анкета делала их изгоями общества, тогда как демократическая процедура вступления в промысловое товарищество предусматривала только подачу личного заявления и уплату небольшого взноса-пая.

¹ Челябинский рабочий. 1955. 18 января.

² Промысловая кооперация. 1955. № 11. С. 5.

Другими словами, лиц без профессиональных навыков, с низким социальным и образовательным цензом, среди промысловиков было немало. Некоторых привлекала «вольница» в организации труда и шанс на получение неподнадзорного заработка. В отдельную категорию выделялись частники, или, на официальном языке тех лет, агенты и подрядчики артелей. Их, как правило, оформляли как надомников. В квазирыночной экономике советского типа они выполняли предпринимательские функции и иногда полностью подчиняли коллектив своим интересам¹. Определенная часть кооператоров привлекала к этому «ремеслу» своих детей, младших братьев и сестер.

Пополнение корпуса специалистов в промысловой кооперации обычно происходило путем распределения выпускников учебных заведений. Ввиду маленьких начальных ставок и необеспеченности жилой площадью люди шли в систему неохотно, и многие, устраиваясь, тут же принимались искать другое место. Закреплялся лишь каждый третий инженер и каждый второй техник². По-человечески их можно было понять — на 465 руб. в месяц, да еще снимая угол, прожить было очень трудно³. К тому же по действующему положению ИТР не имели права претендовать на премии, если артель не выполняла план по ассортименту, а сырьем даже госзаказ не всегда обеспечивался. При «подборе кадров» члены правления зачастую руководствовались семейственностью, кумовством, круговой порукой и проч., поэтому «хлебные» должности приберегали для «своих». Новичкам же поручали низкооплачиваемую работу. Так, в чебаркульском товариществе «Промысловик» девушку, отучившуюся

в Гжельском силикатно-керамическом техникуме, направили не на прибыльное кирпичное производство, а к швеям приделывать бирки к белью⁴.

В целях скорейшей адаптации к условиям работы областной промысловый совет организовывал совещания молодых руководителей. Одно из них состоялось в декабре 1956 г. На нем вскрылись факты бездушного отношения артельщиков к юным коллегам. В «Уралторгине» им в течение двух месяцев не выплачивали компенсацию за наём квартиры, в «Ударнике» заставляли выпускать продукцию с серьезными отклонениями от утвержденных техусловий.

Многие выступающие высказывали недовольство штурмовщиной, текучестью, отсутствием стимулов к повышению квалификации и призывали собравшихся смелее выдвигать молодежь на ключевые посты. Приводились примеры двадцатилетних Лидии Тимошкиной из Бредов, Людмилы Елагинной из Нижней Увелки, Екатерины Матягиной из Магнитогорска. Девушки успешно трудились: первая техноруком, вторая сумела возглавить артель, третья после утверждения начальником самого крупного в области кооперативного цеха массового пошива одежды с планом выпуска 1 млн руб. в месяц обеспечила его постоянное перевыполнение⁵.

Казалось бы, в этой обстановке должен был активизироваться комсомол. Однажды, а именно в 1944 г., когда в силу социально-демографических последствий войны в промкооперации оказались сотни тысяч молодых людей (в ряде уральских областей четверо из пяти были моложе двадцати пяти лет), ЦК ВЛКСМ, с опорой на местные комитеты и ячейки, разработал комплекс адресных мероприятий. Благодаря предпринятым шагам, многие юноши и девушки, трудившиеся в артелях, почувствовали себя полноценными гражданами и ощутили, несмотря на лишения и горечь потери близких, что им доступны радости духовной жизни — профессиональный рост, культурный досуг, возможность продолжать образование [Пасс, 2002, с. 209–214].

В 1950-е гг. сложилась иная картина. За десятилетие центральный комсомольский орган лишь трижды, и то вскользь, упомянул о промысловой системе. 18 ноября 1953 г. бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «О работе комсомольских

¹ С января по май 1950 г. на территории России было выявлено 131 кооперативное предприятие, отданное на откуп частникам. [Назаров, 1991, с. 57].

² Промысловая кооперация. 1955. № 4. С. 16; РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 1384а. Л. 186.

³ В 1953 г. буханку белого хлеба можно было купить за 3 руб., черного — за 1 руб., килограмм говядины — за 12, 5 руб., литр молока — за 2,24 руб., масло сливочное — за 27,8 руб., а растительное — за 17 руб. Десяток яиц стоил 8,35 руб., водка — 22,8 руб., пара обуви — 188 руб., хороший костюм — 1500 руб. URL: <https://ossr.ru/life/tseny/tseny-i-zarplatu-v-sssr-v-1950-godah> (дата обращения 08.06.2021). В связи с этим приведем любопытный эпизод из биографии Н. С. Хрущева, озвученный им самим: «Я женился в 1914 г. двадцати лет от роду. Поскольку у меня была очень хорошая профессия, я смог сразу же снять квартиру. В моей квартире была гостиная, кухня, спальня, столовая. Как слесарь в Донбассе до революции я зарабатывал 40–45 руб. в месяц. Черный хлеб стоил 2 копейки фунт, а белый — 5 копеек. Сало шло по 22 копейки за фунт, яйцо — копейка за штуку. Сапоги хорошего качества... стоили 6, от силы 7 рублей. [Бурлацкий, 1990, с. 63].

⁴ Промысловая кооперация. 1957. № 2. С. 30; № 8. С. 4; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 16. Д. 308. Л. 39; Ф. 274. Оп. 3. Д. 117. Л. 449; Ф. 965. Оп. 5. Д. 154. Л. 14; Д. 218. Л. 151.

⁵ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 166. Л. 6; Промысловая кооперация. 1955. № 11. С. 5; 1957. № 2. С. 30.

организаций предприятий промышленности товаров широкого потребления и артелей промкооперации Владимирской области». Его содержание сводилось к шаблонным призывам развивать соцсоревнование, перенимать опыт передовиков, проводить совещания, выезжать с экскурсиями на лучшие заводы и фабрики. Рекомендовалось оказывать содействие комсомольцам в овладении новой техникой, вовлекать их в кружки и курсы производственного обучения, вечерние школы. Комсоргов обязали регулярно созывать собрания и следить за своевременной уплатой членских взносов¹.

28 февраля 1956 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А. Шелепин обратился в Центральный промышленный совет СССР (ЦПС) с ходатайством о выпуске сувениров к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве и подробно перечислил, каких именно: платков, косынок, галстуков, поясов, дамских сумочек, изделий из стекла, фарфора, пластмассы, дерева. Аргументировал он это тем, что, будучи посланцем Советской страны на аналогичных форумах в Праге, Будапеште, Берлине, Бухаресте и Варшаве, наблюдал ажиотажный спрос на них. Шелепин также просил кооператоров изготовить куклу в русском национальном костюме «улучшенного качества», поскольку куклы в магазинах сплошь дефектные и удовлетворить изысканный вкус иностранных гостей не смогут.

13 марта того же года ЦК Коммунистического союза молодежи напомнил ЦПС о его обещании внести в фонд московского фестиваля 8 млн руб. и предоставил реквизиты своего расчетного счета². Других примеров участия столичных функционеров от комсомола в деятельности промисловиков найти в архивах не удалось.

Изучение документов областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ позволяет заключить, что и региональные структуры явно недооценивали важность работы в небольших коллективах, где зачастую не было ни партийных, ни профсоюзных, ни комсомольских организаций. Правда, в обкоме ежемесячно утверждали списки представленных к награждению почетной грамотой за высокие производственные показатели, и иногда среди них встречались молодые члены кооперативов. Так, в марте 1951 г. отметили Екатерину Яшину — бригадира из магнитогорского «Большевика», в марте 1954 г. — Ковригина Александра — столяра миасского «Пио-

нера». На IX областной конференции ВЛКСМ (29–31.01.1954 г.) секретарь ОК Осетров похвалил комсомольцев копейского «Обойщика» за то, что они вовлекли несоюзную молодежь в борьбу за увеличение выпуска товаров ширпотреба и улучшение их качества, но вместе с тем самокритично отметил безразличное отношение со стороны обкома к деятельности комсомольских организаций в кооперативной промышленности. Три года спустя секретарь челябинского ГК Гриценко констатировал, что комсомольские группы в артелях города малочисленны, слабы, а в ряде мест их работа просто развалена: учет запущен, взносы не взимаются, притока новых членов нет³.

Практическое отсутствие в промысловых товариществах политической организации, которая бы отстаивала и защищала интересы молодежи, негативно сказывалось на судьбах юных артельщиков. Некоторые, оказавшись вне воспитательного воздействия авторитетного общественного объединения, вступали на путь нарушений трудовой дисциплины, начинали пьянствовать и хулиганить⁴. В артели «Литейщик» член правления(!), молодой рабочий Кармазь находился в нетрезвом состоянии, когда на предприятие приехала комиссия с проверкой. На вопрос, почему от него пахнет перегаром, не без юмора ответил, что запах с воскресенья, хотя наступила среда. Кстати, несмотря на наличие в «Литейщике» большого количества молодежи, никто нигде не учился⁵.

Порой девушка или парень, пожелавшие овладеть какой-либо профессией, сталкивались с черствостью, формализмом и некому было пожаловаться. Например, принятая в бригаду легкого платья в цех № 9 товарищества «Кустшвейпром» ученица Краева, захотевшая получить квалификацию мастера-белешвейки, за 8 месяцев сшила только одну мужскую рубашку. Ученица Штоль за 7 месяцев — бюстгальтер. Ребята оказались без наставников и буквально по пятам ходили за теми, кто соглашался показать, как надо вы-

³ ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2246. Л. 113; Д. 2713. Л. 61; Д. 2709. Л. 93; Ф. 488. Оп. 8. Д. 30. Л. 42.

⁴ Верховный Совет СССР 14 июля 1951 г. издал Указ «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме неоднократных и длительных случаев, мерами дисциплинарного и общественного воздействия», после чего количество невыходов на работу, особенно среди юношества, резко возросло. Только по облметаллопромсоюзу за последующие 11 месяцев зарегистрировали 154 прогула. Через год Совмин СССР пригрозил уже руководителям, попустительствующим «дезорганизаторам производства», снятием с постов и уголовным наказанием. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 104. Л. 66; Д. 124. Л. 19.

⁵ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 209. Л. 13, 14.

¹ РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 1652. Л. 146–148.

² Там же. Д. 2261. Л. 132, 157, 159.

полнять ту или иную операцию¹. В марте 1957 г. на IV собрании уполномоченных челябинского ОПС достоянием гласности стала такая история. В кооперативе «Пролетарий» одна труженица, устав от бесполезных обращений к председателю Рогожину о направлении ее на учебу, решила написать в облпромсовет. Там письмо долго путешествовало по разным кабинетам, пока не оказалось у некоего Тюшнякова. Тот не поленился приехать в артель и вернул бумагу со своей резолюцией «Товарищу Рогожину — ваши соображения?»². Иначе как издевательством это не назовешь.

Между тем в системе были созданы неплохие возможности для подготовки кадров через филиалы Ленинградского кооперативного института повышения квалификации собственную учебно-курсовую базу (УКБ). За 1951 г. с отрывом от производства в челябинском ОПС прошли переподготовку 413 человек, из них 43 председателя, 60 техноруков, 25 плановиков, 76 бухгалтеров, 41 торговый работник, 87 закройщиков и т. д. За командированными сохранялись оклады и средняя заработная плата, возмещались затраты на дорогу и общежитие, полагались суточные в размере: руководителям и ИТР — 300 руб. в месяц, мастерам — 200 руб., рядовым членам — 100 руб. Кроме того, было охвачено разного рода семинарами непосредственно в областном центре еще 371 человек. При этом директор УКБ Борова отмечала, что группы заполняются не полностью и в результате увеличивается стоимость обучения. Также она выражала недовольство контингентом курсантов: учиться на специалистов 6-го разряда из артелей присылали подростков, которым незаконно урезали либо забывали перечислять денежное содержание. Им приходилось очень тяжело, многие не выдерживали и сбегали домой³.

Во второй половине 1950-х гг. усилия регионального облпромсовета по развитию местной сети кадрового обеспечения привели к тому, что она приобрела массовый характер. За два года (1957, 1958) через нее прошли 4 379 человек, или почти каждый третий. Из вузов и техникумов на Юж-

ный Урал прибыло 78 молодых специалистов⁴. При этом не надо забывать о постоянно растущих требованиях к уровню знаний, умений и навыков, которые диктовала жизнь. Скажем, заместитель председателя артели по оргмассовой работе в обязательном порядке изучал 280-часовую программу, в рамках которой читались такие предметы, как: «Политэкономия», «Экономика, организация и планирование промышленных предприятий», «Учет и отчетность в промкооперации», «Основы трудового законодательства» и др. Механика по установке и ремонту теле- и радиоаппаратуры называть кустарем язык не поворачивался. Чтобы его подготовить, классной комнаты, доски и мела было недостаточно. Одно лабораторное оборудование для спецкабинета стоило тогда не менее 50 тыс. руб. А если учесть сроки обучения — минимум год, то станут понятны общие объемы затрат. Но промысловики справлялись, изыскивали необходимые средства и не жалели вкладывать их в человеческий капитал будущего. К концу исследуемого десятилетия система перестала быть «проходным двором», где радовались каждому специалисту, пусть даже проштрафившемуся на прежней работе. Она стала настоящей кузницей профессионалов. В 1960 г. в ее подведомственных ссузах обучалось 28 тыс., а в Высшей школе промкооперации — 1 100 студентов [Назаров, 1991, с. 75].

Таким образом, несмотря на социальные и психологические издержки, связанные с формированием в массовом сознании мнения о малых коллективных предприятиях как «непрестижной» форме занятости, а также наличие ряда внутрисистемных барьеров для самореализации, артельная молодежь с помощью республиканских и областных промысловых советов постепенно преодолевала навязанный ей сверху комплекс неполноценности и получала действенные инструменты и стимулы к личностному росту. Процесс складывания особой кооперативной идентичности, в том числе среди юных членов производственных товариществ, был прерван в 1960 г. вследствие передачи последних в собственность государства.

¹ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 154. Л. 129.

² Там же. Д. 209. Л. 12.

³ Там же. Д. 80. Л. 253; Д. 209. Л. 6, 7.

⁴ Там же. Д. 222. Л. 147, 149.

Список литературы

1. Балахонова, И. Н. Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. Н. Балахонова. — Н. Новгород, 2009. — 259 с.
2. Бурлацкий, Ф. Вожди и советники / Ф. Бурлацкий. — М. : Политиздат, 1990. — 384 с.

3. Назаров, П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика советского государства. 1950–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук / П. Г. Назаров. — М. : МГУ, 1991. — 227 с.
4. Никонов, Ю. Т. История промысловой кооперации Удмуртии. 1920–1960. : дис. ... канд. ист. наук / Ю. Т. Никонов. — Ижевск, 2000. — 224 с.
5. Пасс, А. А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. / А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. — 386 с.
6. Цирянов, Б. Д. История промысловой кооперации в Бурят-Монгольской АССР. 1923–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Б. Д. Цирянов. — Улан-Удэ, 2000. — 177 с.
7. Чуваев, Н. Я. Промысловая кооперация Алтая (1945–1960 гг.) : магистерская диссертация / Н. Я. Чуваев. — Барнаул, 2010. — 160 с.

Сведения об авторе

Пасс Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. pass_andrey@mail.ru

---

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 42–47.

The Young of “Second Grade”: Working Conditions for Young Men and Girls in the Industrial Cooperation of the Southern Urals in the 1950s

A.A. Pass

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20–49–740004

According to the neoinstitutional approach the author analyzes the motivations and constraints that existed in the cooperative industry of the USSR in the 1950s for attracting young workers. The work names the reasons for the predominance of this social category in the staff of artels and presents the methods of replenishing it with specialists who received specialized training in schools, technical schools and universities. The article describes the problems of their adaptation to work in the quasi-market sector of the Soviet economy, which, in accordance with the ideological guidelines of those years, was considered marginal. The study describes the examples of both positive and negative self-realization and shows the weak participation of Komsomol organizations in the destinies of young cooperators, which is why they felt themselves on the periphery of public life. It was found that the network of qualified personnel developed in the second half of the 1950s within the framework of the producer’s system. The work concludes about the emergence of new opportunities for professional and personal growth of artel’s youth. In connection with the nationalization of production partnerships in 1960, these opportunities lost their relevance.

Key words: *USSR, South Ural, 1950s, youth, producer’s cooperation, working conditions, qualifications and socialization, prospects for professional growth.*

References

1. Balahonova I.N. Osushchestvlenie partijno-gosudarstvennoj politiki v promyslovoj kooperacii Gor’kovskoj oblasti v 1917–1960 gg. [Implementation of the party-state policy in the producer’s cooperation of the Gorky region in 1917–1960]. Nizhnij Novgorod, 2009. 259 p. (In Russ.)
2. Burlackij F. Vozhdi i sovetniki [Leaders and Counselors]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)
3. Nazarov P.G. Promyslovaya kooperaciya RSFSR i ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva. 1950–1960 gg. [Producer’s cooperation of the RSFSR and the economic policy of the Soviet state]. Moscow. 1991. 227 p. (In Russ.)
4. Nikonov Yu.T. Istoriya promyslovoj kooperacii Udmurtii. 1920–1960. [The history of producer’s cooperation in Udmurtia. 1920–1960]. Izhevsk, 2000. 224 p. (In Russ.)
5. Pass A.A. «Drugaya» ekonomika: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1939–1945 gg. [The “Other” Economy: Production and Trade Cooperatives in the Urals in 1939–1945]. Chelyabinsk, 2002. 386 p. (In Russ.)

6. Ciryarov B.D. Istoriya promyslovoj kooperacii v Buryat-Mongol'koj ASSR. 1923–1960 gg. [The history of producer's cooperation in the Buryat-Mongolian ASSR. 1923–1960 gg.]. Ulan-Ude, 2000. 177 p.

7. Chuvaev N.Ya. Promyslovaya kooperaciya Altaya (1945–1960 gg.) [Producer's cooperation of Altai (1945–1960)]. Barnaul, 2010. 160 p.